

УДК 801.54

**ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНАЯ ПРОИЗВОДНОСТЬ
КАК УНИВЕРСАЛЬНОЕ СВОЙСТВО
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ
РУССКОГО И ТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ**

В.Г. Фатхутдинова

Аннотация

В статье анализируется одна из наиболее важных единиц словообразования – словообразовательная цепь. Значимость словообразовательной цепи для типологически различных языков доказывается на иллюстративном материале. Результаты структурного и семантического анализа эквивалентных словообразовательных цепей в русском и татарском языках и возможность их классификации позволяют считать ступенчатое словообразование универсальной характеристикой словообразовательной системы человеческого языка.

Феномен последовательной производности слов обычно рассматривается в рамках одной из комплексных единиц словообразования – словообразовательной цепи (на раннем этапе изучения данного явления более употребительным был термин «цепочка»). Понятие словообразовательной цепочки в современной дериватологии стало использоваться не так уж давно – начиная с 70-х годов XX века (А.Н. Тихонов, Е.А. Земская, И.С. Улуханов, И.А. Ширшов), хотя еще в конце XIX века А.А. Потебня в своем знаменитом труде «Из записок по русской грамматике» писал: «Мы видим, что появление данного слова предполагает существование предыдущего; это в свою очередь возникает из другого и т. д. Пока остановимся на этом наблюдении, хотя оно не может нас удовлетворить, так как невозможно допустить, не впадая в мистицизм, чтобы ряды слов продолжались до бесконечности и чтобы язык не имел начала» [Потебня 1958: 21].

Понимая под словообразовательной цепью ряд однокоренных слов, связанных между собой отношениями последовательной производности, например: *лить – прилить – приливать – прилив – приливный; лить – пролить – проливать – пролив – проливчик*, мы выделяем одно из важнейших ее свойств – быть способом объединения производных слов на основе корневой общности. Однако таким же свойством обладает и другая комплексная единица словообразования – словообразовательная парадигма, которую определяют как набор производных одного базового слова, находящихся на одной ступени словообразования [Земская 1992: 17]. Слова в составе парадигмы являются кодериватами, т. е. находятся в отношениях равной производности. По справедливому

замечанию И.А. Ширшова, «равнопроизводность покоится на принципе эквивалентности, т. е. таком отношении между производными, которое не допускает выводимости одной единицы из другой» [Ширшов 1999: 53]. Именно это обстоятельство и отличает словообразовательную цепь от словообразовательной парадигмы, так как последовательная производность предполагает как раз выводимость каждого последующего слова из предшествующего.

Целью настоящей статьи является описание основных структурно-семантических свойств словообразовательной цепи как универсальной единицы словообразовательной системы, при этом основное внимание уделяется факторам, свидетельствующим о релевантности данного языкового явления для языков разной типологической принадлежности, каковыми являются русский и татарский. Что же отличает словообразовательную цепь от других комплексных единиц словообразования? В чем специфика ее структурно-семантической организации?

Для понимания сущности словообразовательной цепи важно определить характер отношений между ее звеньями, поскольку «в последующем слове... заключено вовсе не предшествующее, а лишь отношение к нему» [Потебня 1958: 27]. В настоящее время считается общепринятым, что словообразовательная цепь реализует синтагматические связи слов в гнезде. Синтагматические отношения, в отличие от парадигматических, принимают линейный характер, поэтому Г.П. Нецименко трактует словообразовательную цепь как «линейное развертывание словообразовательного акта». По ее мнению, словообразовательная цепь – это горизонтальная фиксация последовательных деривационных шагов, завершающихся соответствующей деривационной фазой (функциональной ячейкой деривационной цепи, ассоциирующейся с определенным категориальным словообразовательным значением), численность и последовательность которых может варьироваться [Нецименко 1987: 226]. Другие исследователи линейный характер словообразовательной цепи объясняют влиянием чисто внешних впечатлений: цепочки, как правило, изображаются горизонтально, что создает впечатление о линейных, т. е. синтагматических отношениях. По их мнению, отношения между членами словообразовательной цепи являются парадигматическими, поскольку она является совокупностью словообразовательных пар, в которой каждый второй член предыдущей пары является первым членом последующей пары; члены словообразовательных пар включают в себя общий, идентифицирующий компонент – мотивирующую базу, по которому идет сопоставление, и дифференцирующий компонент – аффиксы форманты, по которому происходит противопоставление; следовательно, это дает основание квалифицировать отношения в словообразовательных парах (и в цепочке в целом) как парадигматические, ассоциативные [Гейгер 1987: 307].

Важным фактором существования последовательной производности является определение ее границ: «словообразовательная цепочка – это ряд однокоренных слов, организованных по принципу последовательной производности от исходного звена до конечного»; при этом указывается на качественные и функциональные различия между ее звеньями: наибольшей противопоставленностью характеризуются исходное и конечное звенья: исходное – непроемное, производящее, а конечное – производное, непроемное; срединные

звенья обладают функцией исходного (предыдущего) и качеством конечного (последующего) звена цепочки; конечное звено может входить только в одну словообразовательную цепочку, исходные же обычно входят в более чем одну [Головин 1985: 213].

Большинство исследователей в качестве важнейшего показателя структуры словообразовательной цепи называют формальное усложнение ее членов: «словообразовательная цепь – ряд однокоренных слов, связанных отношениями последовательной производности, когда мотиваторная часть последующего производного усложняется за счет формантной части предыдущего», ср. также «словообразовательная цепь – развернутое в обратном направлении в виде отдельных слов многоморфемное производное» [Дашенко, Зверев 1985: 49]; в протяженной (распространенной цепочке) от звена к звену происходит приращение качества и уменьшение способности быть производящим [Головин 1985: 214]. По мнению А.Г. Лыкова, в словообразовательной цепи по мере возрастания порядкового номера деривационного шага база усложняется за счет вхождения форманта предшествующей ступени в базу последующей ступени, а формант при этом меняется за счет новых поступлений единиц из морфемного и морфонологического арсенала языка. В соответствии с этим меняется материальный состав и семантика как базы, так и форманта в общей структуре словообразовательной синтагмы [Лыков 1987: 138]. Таким образом, последовательная производность – это языковой феномен особого рода, напрямую связанный с морфологической структурой языка и инвентарем его словообразовательных средств.

Как известно, воспроизводимость и повторяемость являются основными типологическими свойствами деривационных структур. В этой связи особую актуальность приобретает построение структурно-семантической типологии словообразовательных цепей русского и татарского языков и, в первую очередь, выявление ее универсальных свойств.

С точки зрения формальной словообразовательные цепи могут быть охарактеризованы по нескольким признакам, см. подробнее [Ширшов 1999], [Улуханов 1996]. По количеству компонентов цепи бывают бинарные, состоящие из двух слов – исходного и производного: *скупой* – *скупость*, *саран* – *саранлык*; *семья* – *бессемейный*, *гаилъ* – *гаилъсез*, и полинарные, состоящие из трех и более компонентов: *сор* – *сорить* – *насорить*, *чъп* – *чъплънъ* – *чъплън бетернъ*; *девять* – *девятнадцать* – *девятнадцатилетний*, *тугыз* – *унтугыз* – *унтугыз-зяшьлек*. Полинарные цепи в русском языке могут включать в себя до 7-ми звеньев. Для татарского языка такие образования не характерны, и уже наличие 6-ти звеньев, скорее, является исключением: *курку* (бояться) – *куркыну* (испугаться, возвр.) – *куркыныч* (страх, боязнь) – *куркынычсыз* (нестрашный, безопасный) – *куркынычсызландыру* – (обезопасить) – *куркынычсызландырылу* (обезопаситься, страд.).

По лексико-грамматической отнесенности исходного слова и конечного звена цепи делятся на линейные, где исходное и конечное звено цепи принадлежат к разным частям речи: *вязать* (глагол) – *связать* – *связь* – *бессвязный* – *бессвязно* (наречие), *бъйлънъ* (глагол) – *бъйлънъ* (*бъйлън кую*) – *бъйлънеш* – *бъйлънешсез* – *бъйлънешсез* (наречие), и кольцевые, в которых исходное слово

и конечное звено принадлежат к одной части речи: *тоска* (сущ.) – *тоскливый* – *тоскливо* – *тоскливость* (сущ.), *сагыш* (сущ.) – *сагышлы* – *сагышлы* – *сагышлык* (сущ.).

По признаку «последовательное присоединение аффиксов или чересступенчатое» цепи делятся на полные, в которых каждая ступень словообразования маркирована своим аффиксом: *сила* – *бессильный* – *бессилие*, *кльч* – *кльчсез* – *кльчсезлек*, и неполные, в которых ступенчатый принцип развертывания гнезда уступает место чересступенчатому: *мода* – *модистка* (отсутствует звено 'модист'), *кричать* – *раскричатся* (отсутствует звено 'раскричать'); *купе* – *купированный* (отсутствует звено 'купировать'). В татарском языке чересступенчатое словообразование также может иметь место: так, на фоне полной цепи *ара* (промежуток) – *арадаш* (посредник) – *арадашлык* (посредничество) в данном словообразовательном гнезде можно встретить и неполную, например, в словообразовательной цепи *ара* (промежуток) – *арадагы* (промежуточный) отсутствует звено *арада* (форма местно-временного падежа, буквально, 'в промежутке'), ср. также *ьзһк* (центр) – *ьзһктһге* (центральный), (отсутствует *ьзһктһ* – в центре). В данном случае падежные формы не являются дериватами, следовательно, налицо факт чересступенчатого словообразования.

По признаку «одна мотивация у конечного (или неконечного) звена или более» цепи делятся на включающие мономотивированные образования (в бинарных и неполных цепях, где отношения между звеньями однозначны и не допускают никаких иных решений: *губить* – *погубить*) и полимотивированные (в полинарных и полных цепях: *Тамбов* – *тамбовчанин* – *тамбовчанка*, где последнее слово может быть образовано непосредственно от слова *Тамбов*, ср. *Греция* – *гречанка*, *Турция* – *турчанка*) [Ширшов 1982: 94]. Приведем примеры русско-татарских соответствий, где полимотивированные образования в составе словообразовательных цепей совпадают: *точный* – *точность* – *неточность* (1), *точный* – *неточный* – *неточность* (2); *тьгһл* – *тьгһллек* – *тьгһлсезлек* (1), *тьгһл* – *тьгһлсез* – *тьгһлсезлек* (2); *спокойный* – *неспокойный* – *неспокойно* (1), *спокойный* – *спокойно* – *неспокойно* (2); *тыныч* – *тынычсыз* (прил.) – *тынычсыз* (нареч. 1), *тыныч* (прил.) – *тыныч* (нареч.) – *тынычсыз* (нареч. 2).

Структурно-семантическая типология исследуемых единиц предполагает конкретизацию понятия типовой словообразовательной цепи. С точки зрения семантики, типология словообразовательных цепей может строиться на разных уровнях (принципах) обобщения. Например, типовые словообразовательные цепи возникают у семантически однотипных исходных слов, у синонимов, антонимов, у слов одной ЛСГ; в зависимости от частеречной принадлежности исходного слова различают отсубстантивные, отглагольные, отадективные словообразовательные цепи. В целом же для словообразовательных цепей характерны различные объединения на основании сходства структуры и семантики, но типовую образуют как минимум две словообразовательные цепи, одинаковые по формально-семантическим свойствам входящих в нее слов. «Словообразовательные цепочки с одинаковым набором словообразовательных типов, которые находятся в ее структуре в одинаковых отношениях, занимают одинаковые словообразовательные позиции, объединяются в один тип, составляют типовую словообразовательную цепь: *синий* – *синеть* – *посинеть* – *посинелый*,

рыжий – рыжить – порыжить – порыжелый; овраг – овражистый – овражистость, бугор – бугристый – бугристость; вязать – привязать – привязывать – привязывание, колоть – приколоть – прикалывать – прикалывание» [Тихонов 1982: 5].

Таким образом, словообразовательные цепочки можно назвать типовыми, если они образованы на базе исходных слов, относящихся к одной и той же части речи, имеют одинаковое количество звеньев, соединенных между собой в определенной последовательности и характеризующихся общностью способа словообразования (содержат одни и те же форманты и выражают одни и те же словообразовательные значения): глухой – глушить – оглушить – оглушать – оглушающий – оглушающе, слепой – слепить – ослепить – ослеплять – ослепляющий – ослепляюще; точить – выточить – выточка, рубить – вырубить – вырубка, ковать – выковать – выковка; строить – перестроить – перестроение, создать – пересоздать – пересоздание.

Типология словообразовательных цепочек, предложенная С.А. Тихоновым, отражает иерархию, присущую единицам словообразовательной системы: в ней конкретные словообразовательные цепи объединяются в типовые, которые представляют самую низкую ступень абстракции. Типовые словообразовательные цепи входят в категориальные – единицы следующей ступени (или единицы более высокого уровня абстракции). Типовые и категориальные цепочки входят в частеречные модели, которым свойственна высокая или низкая степень регулярности [Тихонов 1985: 56].

Несмотря на релевантность понятия типовой словообразовательной цепи как для русского, так и для татарского языков, их межъязыковая эквивалентность является, скорее, исключением, чем правилом: аш (еда) – ашау (есть) – ашату (кормить) – ашатуче (кормилец); эш (работа) – эшлһнь (работать) – эшлһть (заставлять работать) – эшлһтьче (тот, кто заставляет работать), хотя подобные соответствия все же имеют место: весна – весенний – по весеннему, яз – язгы – язгыча; осень – осенний – по-осеннему, кльз – кльзге – кльзгечһ; лето – летний – по-летнему, кһй – кһйге – кһйгечһ. Иногда русским типовым словообразовательным цепочкам в татарском языке могут соответствовать типовые словообразовательные парадигмы: ранний – рано – рановато, иртһ – иртһге, иртһрһк; поздний – поздно – поздновато, соһ – соһгы, соһрак. Данное обстоятельство обусловлено сходствами и различиями в направлении словообразовательной мотивации, а также спецификой способов словообразования и самих словообразовательных средств.

Последовательная производность, как уже указывалось, – феномен не только структурный, но и семантический, поскольку словообразовательная цепь наглядно отражает как формальные, так и семантические приращения в акте словообразования. Поэтому при сопоставительном описании словообразовательных цепочек, наряду с фиксацией формальных показателей каждого деривационного шага, большое значение уделяется выявлению семантических усложнений и приращений во вновь образованном слове. Анализ семантической структуры словообразовательных цепочек и, в частности, всех типов переносных значений, возникающих в ее звеньях на определенной ступени деривации, дает нам представление о развитии полисемии в производных словах как лексемах

особого рода: слушать – слушаться – ослушаться – ослушник – ослушница, тыһлау – тыһлау – тыһламау – тыһламаучы – тыһламаучы (хатын, кыз). Как правило, такого рода семантические сдвиги нарушают структурно-семантическую эквивалентность словообразовательных цепей: волос (чӱч) – простоволосый (яланбаш, буквально: с непокрытой головой) – простоволосить (яулык салдырту, буквально, заставить снять платок) – опростоволосить (яулык салдырту) – опростоволоситься (ялгышлык ясау, буквально, сделать ошибку). Зачастую при появлении в одном из звеньев цепи фразеологизированного типа значения одновременно меняется и татарский эквивалент, фиксирующий в данном случае изменение семантики русского исходного слова: земля (ќир) – земляк (якташ, от як – сторона) – землячество (якташлык); стоять (басып тору) – стойкий (чыдам) – стойкость (чыдамлы); один (бер) – одинокий (ялгыз) – одиночка (ялгыз кеше) – поодиночке (берӱмлӱп, берӱм-берӱм); брать (алу) – избрать (сайлау) – избирать (сайлау) – избиратель (сайлаучы) – избирательница (сайлаучы хатын); быть (булу) – прибыть (киль) – прибывать (киль) – прибытие (киль) – неприбытие (килмӱнь).

Подводя итоги, следует еще раз подчеркнуть, что основным признаком словообразовательной цепи как одной из комплексных единиц словообразования являются отношения последовательной производности входящих в нее членов. На основе сопоставительного анализа конкретных и типовых словообразовательных цепей русского и татарского языков нами установлено, что последовательная производность является универсальным свойством словообразовательной системы независимо от принадлежности языка к тому или иному морфологическому типу.

Summary

V.G. Fatkhutdinova. Consequent derivation as universal means of Russian and Tatar word formation systems.

In the article one of the most important complex units of word formation – “a word formation chain” is analysed.

The relevancy of word formation chain for typologically different languages is proved on illustrative material. The results of structural and semantic analysis of equivalent word formation chains of Russian and Tatar languages and the possibility of their classification on various indications allow to recognize the successive derivation as universal characteristics of human language word formation system.

Литература

1. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. – М.: Наука, 1992. – 221 с.
2. Гейгер Р.М. Единицы словообразовательной системы и типы языковых отношений в словообразовательном гнезде // Актуальные проблемы русского словообразования (АПРС). – Самарканд, 1987. – С. 305–309.
3. Головин В.Г. Иерархия комплексных единиц словообразовательного гнезда // АПРС. – Ташкент, 1985. – С. 213–216.
4. Дащенко О.И., Зверев А.Д. О соотношении комплексных единиц словообразования // АПРС. – Ташкент, 1985. – С. 47–53.

5. *Лыков А.Г.* Субстанциональные и классификационные, простые и комплексные единицы словообразования // АПРС. – Самарканд, 1987. – С. 137–142.
6. *Нецименко Г.П.* Словообразовательные цепочки и парадигмы и их роль при изучении закономерностей словообразования // АПРС. – Самарканд, 1987. – С. 225–227.
7. *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. – М.: Учпедгиз, 1958. – 536 с.
8. *Тихонов А.Н.* Проблемы изучения комплексных единиц словообразования // АПРС. – Ташкент, 1982. – С. 3–13.
9. *Тихонов С.А.* К проблеме типологии словообразовательных цепочек // АПРС. – Ташкент, 1985. – С. 53–57.
10. *Улханов И.С.* Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. – М., 1996. – 221 с.
11. *Шишов И.А.* Словообразовательная цепь и явление полимотивированности // АПРС. – Ташкент, 1982. – С. 91–95.
12. *Шишов И.А.* Теоретические проблемы гнездования. – М.: Прометей, 1999. – 236 с.

Поступила в редакцию
21.02.05

Фатхутдинова Венера Габдулхаковна – кандидат филологических наук, доцент кафедры сопоставительной филологии и межкультурной коммуникации Казанского государственного университета.

E-mail: *Venera.Fatkhoutdinova@ksu.ru*